ЛИЛИЯ ОРЛАНД

Попаданка на службе Российской Империи

Книга 1: Перевёртыш

Лилия Орланд

Попаданка на службе Российской империи-1: Перевёртыш

https://litres.ru/74704849
SelfPub; 2026

Аннотация

Вместо палаты хосписа я очнулась на булыжной мостовой 19 века. Меня избили и бросили в тюрьму, чтобы казнить как ведьму. Незнакомец в плаще говорит, что я перевёртыш, способна менять внешность по своему желанию. Я должна овладеть своими способностями и служить своей стране, пусть и в далёком прошлом. А ещё предотвратить войну, что неумолимо надвигается на нас.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	40
Глава 5	52
Глава 6	60
Глава 7	72
Глава 8	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Лилия Орланд
Попаданка на службе Российской империи-1: Перевёртыш

Глава 1

Запястья обожгло, выдернув меня из темноты. Я застонала и распахнула глаза. На секунду изумление затмило боль. Вместо палаты хосписа, где я доживала последние дни, пока «рак» съедал меня заживо, оказалась на вымощенной булыжником улице.

Вокруг столпились люди в странной одежде, словно из исторического фильма. Они что-то кричали, указывая на меня пальцами. Я не слышала слов, но искажённые лица говорили сами за себя. В них пылала ненависть, таилась брезгливость, а ещё мелькал страх.

Я понимала, что это бред, вызванный затуманенным болью мозгом, но слишком уж он был жуткий. А ещё реалистичный. Я чувствовала запах пота и чеснока, идущий от этих людей.

Кисти снова пронзило острыми раскалёнными спицами.

Я застонала от боли. Внезапно скрючило уже пальцы. Я поднесла ладони к лицу, не понимая, что происходит.

И закричала от ужаса.

Потому что вместо своих рук я глядела на мерзкие звериные лапы с огромными загнутыми когтями.

– Ведьма! – закричал кто-то высоким противным голосом.

И вокруг подхватили:

– Ведьма!

– Сжечь ведьму!

– Убить её!

А затем в меня полетели камни. Сначала мелкие – для потехи. Потом крупнее – проверить, сумею ли постоять за себя. И когда я сжалась, прикрыв голову руками, толпа взревела, осознавая мою полную беззащитность.

И обезумела от жажды крови.

Моей крови.

На меня обрушился град ударов. Настоящих, ощутимых, весьма болезненных ударов, вовсе не похожих на игры угасающего разума.

Я чувствовала, как лопнула кожа на спине, как треснула кость предплечья. Кровь лилась по моему изувеченному телу. А я молилась лишь о том, чтобы этот кошмар скорее прекратился.

Моя просьба была услышана. Свет померк, и я уплыла в темноту.

Однако оказалось, что это ещё не конец. Я снова очнулась.

На этот раз в помещении – тёмном, мрачном и сыром. Единственный источник света, тусклый и дрожащий, виднелся сквозь решётку вдали.

Решётка? Темница? Похоже, мой мозг считает тело тюрьмой и желает скорей освободиться. В этом мы солидарны. Я устала мучиться от боли и тоже хотела освобождения.

Двинула рукой, нащупывая кнопку вызова сестры. Точнее – попыталась это сделать. Заведённые вверх запястья обхватили железные обручи. Сдавили, не позволяя шевельнуться.

Ещё один обруч удерживал шею, другой – талию. И щиколотки тоже сжимали металлические кандалы.

Всё тело затекло от неудобной позы. Больше всего страдали задранные руки, которые затекли и ужасно ныли. Но главное – я больше не чувствовала той жуткой, лишающей сознания боли. Ни переломов, ни кровотечения, ни рассечённой до костей плоти.

Ещё раз убедилась, что всё происходящее – лишь плод моего воображения. А значит, руки вовсе не затекли. Я даже не в тюрьме. Я просто придумала это, сама того не понимая.

Прикрыла глаза, надеясь избавиться от фантазии или уплыть в другой сон, более приятный, чем этот. Но сознание, как назло, оставалось ясным. И физические ощущения никуда не делись. Ломило кисти, лишённые кровотока. Бёдра холодил каменный пол. Во рту пересохло от жажды. Смрадный воздух, проникая в лёгкие, вызывал головокружение и тошноту.

В отдалении то и дело звучали стоны и плач других заключённых. Значит, я не единственная узница в этом чистилище.

Время тянулось ужасно медленно. Иногда я уплывала в полудрёму, но снова просыпалась в той же темнице.

– Ваше высокородие, – расслышала торопливое, – страшная она, аж жуть берёт. Мы соли на порог насыпали, святой водой полили, да молитву отвращающую каждый час читаем, как колокол бьёт. И всё ровно к ейной двери подходить страшно. Хучь её и заковали, а всё одно – ведьма.

– Спасибо за предупреждение, – ответил негромкий, спокойный голос. – Покажи её камеру.

Я не знала, кто эти люди и о ком они говорят, но их диалог вносил хоть какое-то разнообразие в мрачную тишину этого места. А когда источник света начал приближаться к решётчатому окошку на двери, даже приободрилась, потому что сумела немного разглядеть темницу, в которой была заперта. Каменные стены и пол, деревянная дверь – ничего особенного. Однако после многих часов темноты это радовало глаз.

Но лишь до тех пор пока шаги незнакомцев не замерли у моей двери. Загремел ключ, открывая замок. Открылась дверь, и меня ослепило светом фонаря. Я зажмурилась. Ещё бы и голову отвернула, но обруч держал крепко.

На несколько долгих мгновений воцарилась тишина. А затем негромкий голос велел:

– Сними с неё кандалы.

– Ваше высокородие… – возразил торопливый, принадлежащий, скорее всего, тюремщику.

– Сними, – повторил гость так же тихо, но в его тоне послышалась угроза.

Я открыла глаза и часто заморгала, привыкая к свету масляной лампы. Через пару минут она покажется мне тусклой и чадящей, но сейчас словно солнце взошло в моей темнице и осветило всё вокруг.

Я увидела, что ко мне приближается крупный мужик с неопрятной бородой. Его маленькие глазки смотрели настороженно. В одной руке он держал связку ключей, в другой – длинный мясницкий нож. Словно собирался защищаться.

От меня?

Судя по тому, как медленно и осторожно мужик подходил, он действительно меня боится. Это вызвало усмешку. Я и прежде, в расцвете сил, не представляла угрозы, а уж теперь и подавно.

– Чё скалишься, ведьма?! – тюремщик испуганно замер и, выругавшись, обернулся к тому, кто стоял у него за спиной: – Ваше высокородие, гляньте, как ухмыляется, точно задумала недоброе.

Ответа он не получил и, тяжело вздохнув, приблизился ко мне вплотную.

– Если дёрнешься, перережу горло, – предупредил мужик, поднося нож к моему лицу. – Поняла?

Поняла. Такое сложно не понять.

Ответить не вышло, не смогла вытолкнуть ни слова из пересохшего рта. А кивнуть не позволил обруч, крепко держащий горло. Поэтому я согласно моргнула, продолжая напряжённо следить за движениями тюремщика. Опасалась, что он нарушит своё слово и всё равно убьёт меня.

Лишь когда звякнул ключ, и щёлкнул, открываясь, замок, я поняла, что всё по-настоящему. С меня снимают кандалы.

Ослабевшие руки безвольно упали на каменный пол, но я почти не чувствовала боли, настолько они занемели. Следом разомкнулся обруч на шее, позволив вдохнуть полной грудью и осторожно подвигать головой, разминая мышцы.

– Принеси воды, – тот же негромкий голос велел тюремщику, когда тот освободил меня, и я в изнеможении прикрыла глаза, опершись на стену.

– А вы, ваше высокородие? Неужто с ней останетесь? Один? – голос бугая дрогнул от страха.

Я даже открыла глаза, чтобы на него посмотреть. Забавно – такой медведь и боится маленькую беззащитную женщину.

Тюремщик ушёл, оставив лампу, второй мужчина выступил вперёд и оказался в круге света. Он стоял, не двигаясь, некоторое время, словно давал себя рассмотреть. Среднего роста, среднего телосложения, средних лет. Лицо совершенно не выразительное: нос не большой, но и не маленький, губы не тонкие и не полные, глаза то ли голубые, то ли серые.

Такого встретишь в толпе, через минуту не сможешь вспомнить. Однако было в этом человеке нечто пугающее.

За его тихим голосом, спокойными манерами таилось ощущение огромной, почти безграничной власти.

– Ну здравствуй, рад наконец встретиться с тобой, – произнёс незнакомец.

Я отметила, что в отличие от тюремщика, он не назвал меня ведьмой. Вообще никак не назвал. Словно пока не определился, как ко мне относиться.

Подождав несколько секунд и убедившись, что я не собираюсь отвечать, незнакомец хмыкнул.

– Характер – это хорошо, – произнёс он непонятное.

Запыхавшийся тюремщик заглянул в камеру. Увидев, что я сижу в той же позе, что и пару минут назад, выдохнул с таким облегчением, будто всерьёз меня опасался. Нет, он опасался за незнакомца, догадалась я.

Кто же это такой?

Похоже, какой-то начальник, раз бугай его слушается. Да и аура властности при столь невыразительной внешности не просто так появилась.

– Можешь идти, – незнакомец забрал кружку из рук тюремщика.

– Ваше высокородие, – произнёс тот умоляющим тоном, – вам же докладали, как она…

– Иди, – перебил его начальник, по-прежнему не повышая голоса.

Тюремщик аж завибрировал от беспомощности и страха, но прекословить не стал. Вышел и запер дверь снаружи.

– Ну а теперь мы можем поговорить, – произнёс высокородный, что бы это ни значило.

Он приблизился ко мне и протянул кружку.

– Пей, – велел и, хмыкнув на мой недоверчивый взгляд, пояснил: – Это всего лишь вода.

Я потянулась дрожащими от слабости руками, схватила, обливаясь, и поднесла к сухим, потрескавшимся губам. Даже если тюремщик добавил яд в эту кружку, перед смертью я утолю жажду.

Вода оказалась ледяной, будто из подземного колодца. Она сводила зубы и заставляла внутренности дрожать от холода, но я выпила всё до капли, наслаждаясь ощущением влаги на своих губах.

Теперь можно и послушать, что этот человек собирается сказать.

А он вдруг по-простому опустился на пол, даже не подвернув плащ. Как будто его не волновало, что одежда испачкается. Зато мне стало удобнее смотреть ему в лицо, больше не приходилось задирать голову.

И я поняла: это психологический приём. Незнакомец хочет расположить меня к себе. Значит, ему что-то нужно, причём нужно очень сильно. Иначе не стал бы такой человек бегать по темницам.

Я даже почувствовала себя увереннее. Раз ему что-то от меня надо, я смогу поторговаться.

– Позволь представиться. Действительный тайный совет-

ник Винокуров, Николай Николаевич, – мужчина наклонил голову.

Я хмыкнула, и правда высокого полёта птица. Если не ошибаюсь, действительный тайный советник – это второй класс табели о рангах, что-то вроде генерала в армии.

И зачем я ему понадобилась?

Винокуров заметил мою реакцию и слегка нахмурился. Ожидал испуга или восхищения?

– Я возглавляю небольшой отдел в Министерстве иностранных дел. И думаю, мы с тобой можем быть полезны друг другу, – продолжил он. – В этих местах я проездом по делам службы. Твоя история заинтересовала меня очень сильно, я даже сделал крюк в десять вёрст, когда услышал о тебе.

Я снова хмыкнула. Бедняжечка, целых десять вёрст проехал, чтобы навестить меня в тюрьме. Что ж, я чрезвычайно польщена.

– Похоже, ты не понимаешь всей серьёзности твоего положения, – Винокурову не понравилась моя реакция. – Тебя до сих пор не обезглавили и не сожгли лишь потому, что я заинтересовался.

Ой, боюсь-боюсь.

– Собственная смерть кажется тебе смешной? – удивился он.

– Я уже умираю, может, даже в эту самую секунду, – просипела чужим, незнакомым голосом, который отвык от чле-

нораздельной речи.

И закашлялась. Пришлось отдышаться, чтобы продолжить.

– У меня рак, последняя стадия, от боли начался бред. Ни вас, ни этого места не существует в реальности. Всё выдумало моё подсознание.

– Хм, – господин тайный советник точно не ожидал такого ответа, поэтому взялся меня убеждать. – К твоему сожалению, это место существует и оно весьма реально. Как и я.

Я пожала плечами. Мол, думайте, как хотите, мне всё равно.

Винокуров не стал настаивать, вместо этого он вдруг спросил:

– Ты действительно сумела вырастить звериные лапы вместо рук? Или это предрассудки тёмного люда?

– Что?!

Я даже от стены оттолкнулась от удивления.

– Какие ещё лапы? О чём вы?

– Позволь, я кратко изложу то, что сообщили мне. И ты скажешь – правда это или выдумка.

Я кивнула. Пусть выкладывает, мне не сложно выслушать, спешить всё равно уже некуда.

– Ты лежала посреди улицы. Некоторые утверждали, что возникла прямо из воздуха – как настоящая ведьма, – Винокуров хмыкнул, и я вдруг обрадовалась, что он во всю эту колдовскую ерунду не верит. – Потом на твоих руках появи-

лась шерсть, стали расти когти, и ты попыталась растерзать людей, которые предлагали тебе помощь.

– Что?! – перебила я его, удивлённая столь неожиданным поворотом.

– Хотела разорвать на куски, пришлось тебя угомонить, – он задумался, будто вспоминая, а затем процитировал: – «Тюкнули ведьму по башке разочек, ибо она больно грозная была».

– Вы в это верите? – скривилась я.

Ничего себе перевернули как – в моих воспоминаниях били меня, а не я кого-то терзала.

– Я прочитал показания двух десятков горожан, записанные урядником. Теперь хочу услышать твою точку зрения. Это правда или нет? Ты умеешь… менять себя?

– Не знаю, – честно ответила я. – То есть про менять не знаю. Терзать или грызть, или чего они там испугались, я никого не собиралась. Они меня просто так били. Причём по-настоящему.

Я вспомнила хруст костей и текущую по коже кровь. Странно, сейчас ничего подобного не ощущалось. Как такое может быть? Я по очереди сгибала руки и ноги, ощупывала себя, но никаких переломов и ран не нашла.

Винокуров внимательно наблюдал за мной, не останавливая. И когда я подняла на него растерянный взгляд, на его лице отразилось удовлетворение.

– Меня не били? – спросила я озадаченно, а потом поняла:

– Похоже, это тоже была лишь фантазия.

– Нет, милая моя, – хищно улыбнулся Винокуров. – Били тебя, ещё как били. Почти до смерти забили. По крайней мере, дворник с урядником тебя мёртвой сочли и тело отвезли в мертвецкую. А поутру приходит лекарь, и что он видит? Девка-то, которая на столе лежит, дышит! Ну не чудо ли?!

Выкрикнул он довольно, хлопнув в ладоши. Как-то чересчур азартно у него это вышло, я напряглась.

– Только лекарь с помощником не обрадовались твоему воскрешению. Хорошо, греха на душу не взяли, резать не начали. А то б мы с тобой сейчас не беседовали. Дворника позвали, а он побелел весь, как тебя увидел, перекрестился и говорит, мол, точно ведьма. Неубиваемая. Надо начальству доложить, пусть оно решает, как ведьму изничтожить.

В его голосе веселье мешалось с возбуждением. Больше не было спокойного, почти равнодушного человека. Моя история его заинтриговала.

– Как долго я здесь?

– Восьмой день, – радостно ответил Винокуров. – Поразительно, не правда ли? Я бы не поверил, что человек способен за столь короткий срок исцелиться. Говорят, на тебе места живого не было. А вчера, когда последние синяки сошли, тебя заковали. Считается, что железо ведьму сдерживает, не даёт ей силой колдовской воспользоваться. Но на всякий случай ещё соли вдоль порога насыпали, чтоб ты переступить не смогла, коли железо одолеешь, и святой водой

брызгали каждый час.

– Почему вы смеётесь?

Я совершенно запуталась, не понимала, что происходит. Если столько людей меня боятся, почему этот товарищ сидит рядом такой довольный, что хочется предложить ему лимон?

– Потому что я не верю в ведьм.

– Я тоже в них не верю, – согласилась с ним.

– И что мы будем делать?

– Ничего, – я пожала плечами. – Это ведь игра моего воображения. Пусть всё идёт своим чередом.

– Экая упрямица, – Винокуров перестал улыбаться. – Я уже сказал, что всё по-настоящему. Если ты сейчас не пойдёшь со мной, утром тебе отрубят голову, а потом сожгут, чтоб больше не ожила.

– Хорошо, – я кивнула, а потом поймала его раздосадованный, непонимающий взгляд, и решила ещё раз объяснить, чтоб наверняка: – Я устала, понимаете? Я хочу спокойно умереть. Если в моей голове это будет выглядеть, как казнь, что ж… Я не хочу бороться со своей последней фантазией.

– В последний раз спрашиваю, ты пойдёшь со мной или нет?! – Винокуров поднялся и теперь смотрел на меня сверху вниз.

Я прикрыла глаза, радуясь, что сейчас он уйдёт, и снова станет тихо. Я сказала ему правду: бороться за свою жизнь два долгих года, а потом понять, что проигрываешь смерти – это слишком тяжело. Я устала и готова проиграть.

Что визитёр ушёл, я поняла, когда камеру снова затопила темнота. Я отползла от стены, по памяти нащупала разбросанную по полу солому и сгребла её в кучу. Может, это и фантазия, но каменный пол холодный и твёрдый. А мне перед казнью нужно выспаться.

Мало ли что ждёт на другой стороне.

Глава 2

Утро было недобрым. Меня грубо схватили, перевернули лицом в пол и выкрутили руки назад, стянув их верёвками. Я застонала от резкой, внезапной боли.

– Заткнись, ведьма! – удар в лицо заставил окончательно проснуться.

Меня вздёрнули на ноги и потащили к выходу. На этот раз тюремщиков было двое. Они обращались со мной нарочито грубо – дёргали, выворачивая заведённые за спину руки, пинали, принуждая двигаться быстрее. А когда я споткнулась, так и потащили, не позволяя встать.

Во дворе серело раннее утро. Я жадно дышала, глотая свежий холодный воздух. Глаза слезились, привыкая к свету после долгих дней в тёмной камере. Проморгавшись, я увидела, куда меня тащат.

Посреди двора разгорался большой костёр. А рядом стояла широкая колода для рубки дров и прислонённый к ней топор. Меня бросили на колени. Я не удержалась и упала лицом вниз, разбив бровь.

Боль была адской. Кровь заливала лицо, не позволяя видеть правым глазом. Но мне хватило и левого, чтобы разглядеть крупного мужика, который приближался неспешным шагом. Тёмная одежда и кожаный фартук, как у мясника, заставили меня вздрогнуть.

Я засомневалась. Было слишком больно и страшно. Вчера в камере я чувствовала себя здоровой, ничего не болело. А сейчас я снова испытывала адские муки.

Тот высокородный сказал, что всё по-настоящему. Что мне отрубят голову, а потом сожгут на костре, чтобы не ожила.

Неужели это правда?

Не знаю, как подобное возможно. Может, моя жизнь ТАМ уже завершилась, поэтому я и оказалась ЗДЕСЬ. Может, это мой второй шанс, который я так глупо загубила.

– Позовите Винокурова, – попросила подошедшего палача.

Он не ответил. Вообще не подал виду, что услышал мои слова. Взял топор, примерил его в руках, привыкая к весу. Потом поставил назад и подвинул меня, поправляя, чтобы шея лежала на колоде правильно.

– Позовите Винокурова, – попросила громче, затем закричала, что было сил: – Позовите Винокурова! Пожалуйста!

Но мой крик никого не тронул, тюремщики и палач оставались равнодушными к моим мольбам.

По щекам потекли слёзы. Ожидание скорой смерти в ясном сознании, больше не затуманенном болью и обезболивающими, оказалось не просто страшным. Это было чудовищно.

Каждый мой нерв натянулся от напряжения, каждая клетка вибрировала от ужаса. Мозг искал выход и не видел его,

потому что единственный человек, который мог остановить мою казнь, ушёл. Я сама ему отказала. А теперь сожалела об этом, но было слишком поздно.

Я судорожно вдохнула, затем ещё раз, чтобы успеть надышаться. И ещё смотрела, чтобы увидеть как можно больше. Разглядывала серые камни стены и мусорную кучу – всё, что могла из своего положения.

Я услышала, как палач поплевал на ладони, потёр их, а затем взял в руки топор.

Новая порция слёз затуманила вид.

– Позовите Винокурова! Скажите ему, что я согласна, – всхлипнула, понимая, что поздно. Слишком поздно для сожалений.

Теперь для меня всё окончательно и бесповоротно завершилось.

Я вдохнула в последний раз и задержала дыхание, приготовившись к смерти.

– Стойте! – раздался за моей спиной мужской голос. – Господин действительный тайный советник велел отменить казнь ведьмы.

Моё горло издало нечленораздельный звук, в котором облегчение смешалось с рыданием. Это чересчур, это запредельно жестоко. Казалось, я потеряю сознание от заполнявшего меня напряжения, от клокотавших и бурливших эмоций.

Так можно сойти с ума. И не поручусь, что этого со мной

не случилось.

Меня подняли с гораздо большей осторожностью. Ноги, будто ватные, сгибались, отказываясь держать в вертикальном положении. Двое мужчин в тёмных плащах разрезали путы, подхватили меня под руки и повели. Мне было всё равно куда, лишь бы подальше от костра и плахи. Прочь от едва не настигнувшей меня смерти.

Мы прошли через двор, затем по тёмному коридору, несколько раз сворачивая. Я почти не запомнила этот путь. Не разглядывала строения тюрьмы. Я вообще с трудом осознавала действительность. Слишком сильным оказалось потрясение.

Зато я запомнила карету. Серая, потёртая, словно ею долго и много пользовались, запряжённая четырьмя лошадьми. Я даже не удивилась, хотя прежде видела карету только в музее. Правда, без лошадей.

Ещё один мужчина в тёмном плаще открыл дверь. Мне помогли подняться по ступенькам и усадили на сиденье. Я протяжно выдохнула, прислоняясь спиной к стенке, и закрыла глаза.

Карета двинулась с места. Куда бы меня ни везли, я удалялась от смерти. А значит, меня ждёт жизнь.

– Рад, что ты передумала, – раздавшийся совсем рядом голос заставил вздрогнуть.

Я открыла глаза. Плотно зашторенные окна создавали полумрак, поэтому я сразу не заметила своего вчерашнего зна-

комца.

– Я тоже рада, что вы вернулись за мной, – ответила ему в тон.

Винокуров хмыкнул.

– Хорошо, что ты меня не боишься. Это позволит нам лучше понять друг друга, – объяснил он не слишком понятно, добавляя: – Постарайся подремать, ехать долго.

Я не стала спорить. Накатившая усталость заставила смежить веки. Я провалилась в сон, в котором снова вернулась в холодную палату хосписа, и это был худший кошмар из возможных. Потому что я сделала свой выбор. Я хотела жить.

Карета дёрнулась, останавливаясь. И я проснулась. От неудобной позы затекло тело. К тому же под обивкой сиденья чувствовалось деревянное основание, которое не добавляло комфорта путешествию.

Однако я жадно ловила эти ощущения, этот дискомфорт. Ведь это значило, что я жива.

Дверь открылась, впуская внутрь солнечный свет. Человек в плаще установил лесенку, и Винокуров вышел из кареты. Я последовала за ним.

С непривычки было трудно попасть по узким ступенькам, и я поняла, почему в исторических романах кавалеры подавали дамам руку. Увы, мне никто не спешил помогать. Пришлось спускаться самой, держась за дверь кареты.

Винокуров шёл по направлению к трёхэтажному особняку. Я хотела двинуться за ним, но человек в плаще остано-

вил меня.

– Господин действительный тайный советник встретится с вами позже. Сейчас следуйте за мной, – велел он.

И мне не оставалось ничего другого, как выполнить приказ.

Меня отвели в дом через боковой вход. Лестница была тёмной и пустой. Мужчина поднялся на второй этаж, зашёл в коридор и открыл первую из двух дверей. Сам остался на пороге, ждал, когда войду я.

– Не покидайте комнату до разговора с господином действительным тайным советником. Это в ваших же интересах, – сообщил он мне в спину и закрыл створку.

Я хотела проверить, запер ли он меня, но не стала. Если запер, выбраться не смогу, а толкание двери или верчение ручки привлечёт ненужное внимание. Да и бежать я не собиралась. Некуда. И смысла не вижу.

У Винокурова есть предложение, и я собираюсь его выслушать.

Комната была просторная, в некоторой степени даже уютная, но ужасно не современная. Обставлена антикварной мебелью, которой место в историческом музее.

Я вспомнила, что сюда ехала в настоящей карете, и пожала плечами. Может, господин Винокуров – поклонник старины. Впрочем, выводы делать рано, я пока не знала, где оказалась.

Вдруг это параллельный мир, в котором время течёт в обратную сторону, и мы из будущего движемся в прошлое?

Или я вообще попала на другую планету, где не нашли нефть и не изобрели двигатель внутреннего сгорания.

В общем, вариантов у меня нашлось немало. Однако я решила не привязываться ни к одному, чтобы затем не испытывать разочарования, если не угадаю.

В комнате стояла большая кровать под балдахином. Плотная тёмно-синяя материя крепилась лентами к столбикам, открывая взгляду роскошное покрывало, тоже синее, с вышитыми солнцем и луной. Высокий шкаф с резными дверцами, издали я разобрала завитки и листья. Покрытый скатертью стол с двумя креслами, стеллаж с книгами. В углу – иконы.

Окинув всё это быстрым взглядом, я направилась ко второй двери в комнате, расположенной напротив входной. Прежде чем открыть, я прислушалась. За дверью слышался стук дерева о камень и плеск воды. Затем что-то грохнуло, плюхнуло, раздалось сдавленное ругательство, произнесённое женским голосом. Причём молодым.

Я толкнула дверь и оказалась в ванной комнате, тоже обустроенной под старину. Медная ванна на ножках в виде львиных лап. Деревянные вёдра с толстой бечёвкой вместо ручки. На полках – глиняные горшочки и прозрачные пузырьки.

Рядом с ванной в луже воды стояла на коленях девушка лет двадцати и, ругаясь странными словами, возила по полу тряпкой. Отжимала её в ведро и продолжала собирать.

Я несколько секунд наблюдала, разглядывая девушку.

Особенно одежду – платье в пол из тёмной грубой ткани, серый передник, волосы, прикрытые чепцом.

Я всё больше убеждалась, что нахожусь в другом мире, отличном от моего, прежнего, куда я вряд ли когда-нибудь вернусь.

Девушка почувствовала моё присутствие и подняла взгляд. Вздрогнув, она выронила тряпку. Вскочила на ноги и поклонилась.

– Прощения прошу, госпожа, не слышала, что вы уже приехали, – теперь она смотрела исключительно в пол и от неловкости мяла пальцами передник.

– Ничего страшного, – откликнулась я, проигнорировав госпожу.

Не в моём виде на неё откликаться. Я на себя, конечно, не смотрела, но после тюрьмы и едва не состоявшейся казни вряд ли меня можно принять за кого-то важного.

Я подвернула рубище, в котором ходила все эти дни, подвязала подол по примеру девушки и взяла вторую тряпку. Ею пытались перекрыть доступ воде под небольшой шкафчик без ножек, стоящий прямо на полу. Однако вылилось слишком много. Тряпка промокла, и деревянное основание уже потемнело от влаги.

– Что вы делаете, госпожа? – ужаснулась девушка. – Вам нельзя!

– Что нельзя? – поинтересовалась я, отжимая тряпку в ведро и вытирая пол у шкафчика.

– Делать работу прислуги, – помедлив, ответила она.

Значит, служанка. Что ж, её одежда, испуг при виде меня и старание как можно скорее вытереть разлитую воду говорили сами за себя. Просто в моей прошлой жизни не было служанок.

– И кто мне запретит? – хмыкнула я, вопросительно изогнув бровь. – Ты?

– Что вы! – ужаснулась девушка самой мысли что-то мне запрещать.

Вдвоём мы быстро убрали разлитую воду. Служанка слегка дичилась, но прогнать меня не решалась.

– Благодарствую за помощь, госпожа, – она поклонилась. – Меня Проска зовут, я вам прислуживать буду, пока вы тута. А сейчас, не гневайтесь, но шли б вы в комнату, мужики воду горячую носить будут для ванны. А вы в таком виде…

Она испуганно ойкнула, осознав, что сказала, и собралась уже бухнуться на колени. Но я рассмеялась.

– Конечно, посижу в комнате, не буду пугать мужиков. Позови меня, когда ванна будет готова.

Служанка поклонилась и, подхватив тряпки с ведром, ретировалась через заднюю дверь ванной. Значит, за ней лестница для прислуги. А меня тогда по какой привели? Потайной, чтоб никто не видел?

Судя по реакции служанки, она не удивилась моему внешнему виду. Видно, навидалась тут всяких, потому и обращалась почтительно к такой оборванке, как я.

Ладно, дождусь горячей воды, приведу себя в порядок и тогда попрошу зеркало. Может, не всё так плохо, как кажется.

Мыть себя я не позволила, справилась сама. Проска не решилась возражать и ушла, оставив меня одну.

Я скинула рубище, с наслаждением забралась в горячую воду, а затем яростно тёрла себя вихоткой, смывая не только запах, саму память о тюрьме. Промыла волосы, которые снова стали густыми и длинными, как до болезни. Правда, расчесать их после невнятного шампуня, который я нашла в плошке, будет весьма сложно. Но разве это может расстроить женщину, у которой снова есть волосы?

Выбравшись из ванны, я вытерлась льняным полотенцем с кружевом по краям и поняла, что здесь нет одежды. Мои обноски служанка унесла, но я бы их и не надела снова, особенно сейчас, чувствуя себя наконец чистой.

В дверь постучали.

– Барыня, можно войти? – спросила Проска. – Я шлафрок принесла.

– Заходи, – я обернула вокруг тела полотенце, позволив мокрым волосам холодить спину.

Шлафрок оказался халатом из плотного шёлка, со стёганным отложным воротником и рукавами.

Увидев, что с волос у меня стекает вода, служанка всплеснула руками и бросилась к шкафчику.

– Простите, госпожа, не сообразила сразу достать, не по-

думала, что меня прогоните, – она подала мне другое полотенце и снова ушла.

Я надела халат, затянула пояс, обернула голову сухим полотенцем и вернулась в спальню. Там уже топилась печь, распространяя волны тепла и окончательно настраивая меня на мирный лад. Несмотря на то, что в пути я спала, сейчас снова начала клевать носом.

Ещё бы поесть. Словно услышав мои мысли, в комнату вошла Проска с большим подносом в руках. От запаха еды у меня потекли слюни. Я наблюдала, как служанка составляет на стол тарелки. Тушённое мясо с овощами, пшённая каша с маслом, кислая капуста и солёные грибочки, небольшие расстегайчики, не знаю с чем, но на вид не менее аппетитные, чем остальное.

Я набросилась на еду. Не помню, когда в последний раз испытывала такой голод. В последние дни ТОЙ жизни меня кормили внутривенно, вводя раствор. В тюрьме я находилась между сном и явью, почти не осознавая действительности. Зато сейчас здоровый организм требовал пищи. Не могу передать, как сильно меня это радовало.

Я съела всё, что лежало в тарелках, и довольно откинулась на спинку кресла. Потрясающее чувство.

– Госпожа, позвольте, приберу ваши волосы, – подала голос Проска, до этого тихо сидевшая в уголке. Я даже забыла о ней.

Я хотела отказаться, но сытая нега, лениво текущая по мо-

им венам, заставила кивнуть. Служанка оказалась искусной, сильно не дёргала, водила гребнем от концов, поднимаясь к корням.

– Зря не позволили яичко сырое втереть да травяным отваром сполоснуть, сейчас и чесались бы легко, и на утро блестели б ваши волосики, – с сожалением произнесла она.

– В следующий раз, – пообещала я, почти засыпая.

Проска заплела мне две слабых косы, чтобы не мешали.

– Сорочка на постели, госпожа, – сообщила она, прерывая мою полудрёму, – я вам свечу оставлю, только задуть не забудьте, как бы пожара не случилось.

Я моргнула и вдруг поняла, что на улице уже стемнело, и в комнате царит полумрак. Надо же, а только что всё так ясно видела, будто днём. Размышлять об этом уже не было ни сил, ни желания.

– Не надо свечи, – сообщила служанке.

Скинула халат, надела приготовленную сорочку – оказавшуюся длинной, до щиколоток, рубахой с длинными рукавами и круглым вырезом. И забралась под одеяло. От чистой постели пахло летним лугом. Это вызвало у меня улыбку, с которой я погрузилась в сон, даже не заметив, как ушла Проска.

А может, она и не уходила, потому что проснулась я от её голоса.

Глава 3

– Госпожа, вставайте, – негромко повторяла служанка, – сказано, через час привести вас. Надо собраться.

– Куда привести? – я уловила главное.

– В закрытый кабинет, – ответила непонятное и, предупреждая вопросы, добавила: – Большего не знаю, не докладывают мне. Велено привести, и всё.

– Ну, раз велено – приведёшь, – не стала спорить я.

Воды в ванне уже не было. Видно, вычерпали ночью, пока я спала. Однако слуги в этом доме работают удивительно бесшумно. Для умывания мне приготовили фаянсовый кувшин с холодной водой и фаянсовый же тазик. Пока я плескалась, Проска накрыла стол.

Несмотря на плотный ужин, от завтрака я тоже не отказалась. Когда перед тобой лежат тонкие, почти прозрачные блины с розеткой сливок, протёртый творог с мёдом и ягодами да пахнущий шиповником взвар, устоять практически невозможно. Я и не пыталась.

– Госпожа, с платьем вам помочь? – неуверенно спросила Проска.

Она уважала моё стремление к самостоятельности, но, похоже, сомневалась, что здесь я смогу управиться без её помощи. Поглядев на приготовленный наряд, я убедилась: не смогу.

– Помоги.

Такие платья я видела в экранизации «Евгения Онегина» – с высокой талией, квадратным вырезом, рукавами-фонариками. И цвет такой светло-персиковый, утренний. Кажется, подобное носили незамужние барышни.

Куда же я всё-таки попала?

Надеюсь, Винокуров ждёт меня в том самом закрытом кабинете, чтобы всё разъяснить.

Сначала пришлось надеть льняную сорочку без рукавов. Потом ещё одну – с рукавами, Проска назвала это нижним платьем. Затем последовало то самое «онегинское». Тёплые чулки и матерчатые туфли без каблуков.

– Ты ничего не забыла? – поинтересовалась я.

– Сейчас волосы вам уложу, не извольте беспокоиться, – сообщила она.

– А нижнее бельё? В смысле панталоны? – я уже не ожидала чего-то современного, удобного. Мне бы прикрыть тыл.

Служанка вдруг покраснела, так ярко, словно спелый шиповник. Как будто я спросила что-то неприличное.

– Позвольте, волосы уложу, – повторила она, проигнорировав вопрос. И я не стала настаивать.

С волосами тоже вышла заминка. Проска непременно хотела завить мне локоны раскалёнными на огне щипцами, а я шарахалась от неё в ужасе.

– Ни за что! У меня только волосы снова появились. Жечь не дам!

Никакие убеждения о красоте и моде меня не переубедили. Впрочем, служанка тоже осталась при своём мнении, решив, что я слишком капризна. Особенно для оборванки, которую привезли вчера.

И всё же я настояла на своём, пригрозив, что, если не отстанет, пойду вообще с распущенными волосами.

Недовольно пыхтя, Проска собрала всё в узел на затылке.

– Может, локончики всё ж выпустим, а? Ну хоть на шейке один, – жалобно канючила она.

– Нет, – я оставалась глуха к мольбам.

Тем более что зеркала она мне не принесла. И посмотреть на себя, прежде чем отправляться на самый важный разговор в новой жизни, у меня не вышло.

Вели меня такими же пустынными лестницами и коридорами. А потом оставили в… библиотеке.

Я разглядывала уходящие к потолку шкафы, плотно уставленные томами, удобные даже на вид кресла, так и зовущие сесть и почитать, и недоумевала. Проска сказала – закрытый кабинет. Я это хорошо помню, потому что ещё удивилась странному названию.

Почему тогда библиотека? И где Винокуров? Разве он не ждёт меня для беседы?

– Сегодня ты выглядишь намного лучше, – произнесли у меня за спиной. – Даже на человека стала похожа.

Я резко обернулась. И наткнулась на довольный взгляд Винокурова.

– Доброе утро, – выдала от растерянности.

– Доброе, – он кивнул и велел: – Следуй за мной.

Один из шкафов оказался отодвинут от стены. За ним виднелся проход в другое помещение. Повинуясь жесту, я вошла внутрь, и Винокуров шагнул следом.

Я не видела, что он сделал, но, когда обернулась, позади уже находилась сплошная стена. Так вот почему закрытый – здесь не было ни дверей, ни окон. Видимо, действительный тайный советник занимается тут тайными делами.

В остальном – обычный кабинет, даже уютный. Ярко горел огонь в камине, узорный экран перед ним не давал выскакивать угольками. На большом диване у стены можно с удобством высыпаться. Уверена, господин Винокуров не раз им пользовался. Массивный стол покрыт бумагами и свёртками. В чернильнице забыто гусиное перо. Или нарочно оставлено, чтобы не терять время на поиски.

Одну из стен украшала большая карта. Я разглядела буквы кириллицы, но не успела вчитаться.

– Садись, – Винокуров указал на стул, поставленный у стола нарочно для меня. Не думаю, что здесь так уж часто бывают посетители.

Я расправила платье и опустилась на стул.

– Какого ты сословия? – вдруг поинтересовался хозяин кабинета.

– Сословия? – удивилась я.

– Для дворянки ты слишком неуклюжа, не крестьянка –

говоришь правильно, значит, мещанство или купечество, – он рассуждал, но в конце словно поставил вопросительный знак, давая мне возможность ответить. Однако тут же ответил сам нечто странное: – Тоже нет? Надо же, я был уверен, что сходу определяю любого человека. А ты оказалась для меня загадкой. Расскажи о себе – откуда ты, как оказалась на той улочке. И почему в тюрьме говорила, что ты умерла?

– Меня зовут Александра Владимировна Рябинина. Я живу в России, то есть жила. По образованию я учитель начальных классов, работала в школе. Правда, недолго. В двадцать четыре узнала, что у меня рак. Опухоли оказались очень агрессивными. От первых симптомов до хосписа прошло меньше трёх месяцев.

Я замолчала, погрузившись в пережитые эмоции. Сначала отрицание – глупости, ну какой рак. Затем удивление – неужели правда? Гнев – почему я?! Надежда – весьма недолгая.

А затем я так ослабела, что у меня не осталось сил на эмоции.

– Что такое «рак»? Это болезнь? – поинтересовался Винокуров.

– Да, – я кивнула, раздумывая, как объяснить попроще. – В организме происходит сбой, и собственные клетки создают нечто новое, похожее на опухоль. Они бывают доброкачественными и злокачественными. Моя оказалась злой и уничтожила меня.

Николай Николаевич кивнул, принимая моё объяснение. И задал следующий вопрос.

– Ты сказала, что жила в России?

– Да, в Российской Федерации.

– Хм… И в какое время существует Федерация в России?

– Я умерла в две тысячи двадцать шестом году.

Он удивлённо приподнял брови.

– А сейчас, по-твоему, где ты находишься?

– Не знаю, – я пожала плечами и ответила максимально честно. – Я вообще не слишком понимаю, что со мной произошло, и как подобное возможно в принципе. Но, знаете, я ужасно рада, что моя смерть не стала окончательной. Где бы я сейчас ни находилась, главное – я жива.

– Хорошо, – он усмехнулся, а затем кивнул. – Как ни бредово всё это звучит, я склонен тебе поверить. Ты слишком необычна для нашего времени.

– Вы скажете, в каком времени и в каком месте я оказалась?

Вопрос прозвучал фантастически. Как и сам разговор. Скажи мне кто-то ещё недавно, что я буду сидеть в тайном кабинете тайного советника и спрашивать, в каком году происходит наша беседа…

– Ты по-прежнему в России, точнее в Российской империи. А год сейчас, – Винокуров внимательно следил за выражением моего лица, – одна тысяча восемьсот десятый, если считать от Рождества Христова. От Сотворения мира – семь

тысяч триста восемнадцатый.

– От сотворения мира?

– Некоторые и по сей день предпочитают это летоисчисление, – он усмехнулся.

А вот мне было совсем не смешно. Получается, я попала в прошлое?

Далёкое прошлое. Больше двухсот лет назад.

– Вы верите, что подобное возможно? – поинтересовалась у Винокурова.

– Не верю, – усмехнулся он, но я не успела напрячься, потому что Николай Николаевич продолжил: – Однако мне сложно отрицать факты. Что ты появилась из ниоткуда, что за неделю восстановила изломанное тело, и что ты иногда обыденно говоришь о вещах, о которых я даже не слышал. А в мире, знаешь ли, не так много вещей, о которых я не слышал.

– И что вы собираетесь со мной делать? – теперь я задала самый важный для меня вопрос.

– Это зависит от тебя, Александра, – Винокуров сделал паузу, то ли чтобы заставить меня понервничать, то ли хотел передать важность момента.

Но я и сама понимала, что сейчас решается моя судьба.

– Что от меня требуется?

– Мне нужны те способности, которые, как говорят, ты проявила, когда тебя нашли.

– Звериные лапы? – изумилась я, вспоминая наш разговор

в тюрьме. – Зачем вам это?

– Мне не нужны лапы, да и тебе тоже, – улыбнулся Николай Николаевич. В этой улыбке мне виделось предвкушение. – Я хочу знать, способна ли ты менять своё тело по собственному желанию. Можешь стать кем-то другим?

– Кем? – не поняла я.

– Мной, например, – Винокуров по-прежнему улыбался, но сейчас он был напряжён, даже подался вперёд, ко мне, ожидая ответа. Для него было очень важно, что я отвечу.

– Вами? Зачем? – а я всё ещё не понимала.

– Не обязательно мной, – он проявлял недюжинное терпение. – Британским посланником, прусской принцессой…

И тут до меня дошло.

– Вы хотите, чтобы я…

– Служила своей стране, ты абсолютно права, девочка. Вопрос в том, хочешь ли и ты того же?

Я задумалась. Служить Российской империи, зная будущее? Ладно, прежде я не слишком интересовалась историей, чтобы помнить все даты важных событий или имена правителей. Зато я точно знала, что через два года Наполеон с армией вторгнется в нашу страну. Будут разграблены и сожжены города, уничтожены тысячи жизней.

Может, именно для того я здесь и нахожусь, чтобы предотвратить войну?

– Я согласна, только… – и это было серьёзным препятствием, – я не знаю как.

– О, это ничего, – Винокуров рассмеялся, – тебя научат.

Мы проговорили не меньше двух часов. Оказывается, в отдел Винокурова уже приносили сообщение, что Франция готовится к войне с Россией. Но, пока не было прямых и убедительных для императора доказательств, Николай Николаевич не мог ничего сделать.

А я знала не так много, чтобы ему помочь. Война начнётся летом тысяча восемьсот двенадцатого года. Наполеон пойдёт к Москве по Смоленской дороге, а потом Кутузов решит сжечь Москву, чтобы создать французам сложности с провиантом.

Ещё наш народ сплотится против общего врага. У нас всегда так: мы можем сплачиваться, только когда на нас нападают. В мирное время – живём каждый сам по себе.

– Завтра ты отправишься в место, где будет проходить твоё обучение. О том, что ты перевёртыш, никто не должен знать. Никто, кроме меня, поняла?

Я кивнула. Перевёртыш на секретной службе – это очень сильный аргумент. Правда, если он умеет менять себя.

– Но ты постарайся поработать со своими способностями до встречи со мной, – Винокуров будто прочёл мои мысли.

– А когда мы увидимся? – поинтересовалась я, чтобы знать, сколько у меня времени.

– Я вскоре тебя навещу, – Николай Николаевич поднялся с места, показывая, что разговор окончен.

Он проводил меня до выхода из библиотеки и вернулся

в закрытый кабинет. Я шла в отведённую мне комнату, меня переполняли эмоции. Это же так здорово. Впереди ждала новая жизнь, служба своей стране, приключения, опасности. Неужели я стану настоящей шпионкой? Джеймс Бонд девятнадцатого века.

Буду носить самые красивые платья, ездить на самых современных машинах, то есть каретах, блистать на балах и одновременно доставать из тайников важные бумаги.

Меня распирали эмоции. Предвкушение полноты жизни и приключений оказалось настолько сильным, что я никак не могла уснуть.

Если бы только в тот момент я знала, как сильно ошибаюсь.

Глава 4

Ночью зарядил дождь. Настоящий осенний дождь, который размыл дороги и превратил всё вокруг в чавкающую грязь.

Прежде чем попрощаться, Проска выдала мне плотные чулки и тёмный плащ. Я понадеялась, что он непромокаемый, и, накинув на голову капюшон, смело спустилась с крыльца к ожидающему меня экипажу.

Один из людей в таких же плащах забрался на козлы к кучеру, другой – сел со мной. Ещё двое сопровождали нас верхом. Все были вооружены пистолетами и клинками, которые выпирали из-под плащей.

Я сначала побаивалась своего попутчика. Он выглядел внушительно, а длинный узкий шрам, пересекающий глаз и щёку, делал его похожим на головореза.

Однако мужчина сразу же откинулся на стенку кареты и закрыл глаза. Дышал ровно и даже, кажется, слегка всхрапывал. Я слышала, что опытные солдаты стараются поспать при любом удобном случае и засыпают мгновенно. Очень удобный навык. Я бы тоже от такого не отказалась.

Спать в подпрыгивающем на колдобинах экипаже, когда по деревянной крыше барабанит проливной дождь, у меня не выходило. Но стоило подвинуться к окошку и отодвинуть плотную занавеску, как мой охранник произнёс:

– Не стоит.

Карета в очередной раз подпрыгнула, и ткань выскользнула из пальцев. Я испуганно глянула на сопровождающего, но он даже не открыл глаз. И как догадался? По движению воздуха?

Дорога оказалась долгой и невыносимо скучной. Я размышляла, что ждёт меня впереди. И чем дольше тянулся этот нескончаемый дождливый день, тем менее радужными становились мои ожидания.

Иногда я задрёмывала, но, подскакивая на очередном ухабе, просыпалась. Через несколько часов я уже была готова поменяться местами с одним из всадников или вовсе идти пешком – лишь бы не это выматывающее тело и душу путешествие в карете.

Ужасный транспорт, скажу я вам!

В конце концов, я не выдержала.

– Можно сделать остановку?

– Не велено, – по-прежнему не открывая глаз, отрезал сопровождающий.

– Мне нужно в туалет, – солгала я, чтобы проверить его реакцию.

Реакции не последовало. Вот ведь непробиваемый чурбан.

Как назло, и правда захотелось в туалет. Накаркала, блин. Но просить больше не стала, потерплю. Если не мне, то хотя бы лошадям должны дать отдых, значит, когда-нибудь мы

остановимся.

Так и случилось. Когда в карете стало темно, сопровождающий слегка отодвинул занавеску. Снаружи уже спускались ранние осенние сумерки.

– Почти приехали, – сообщил он мне, заметив, как я ёрзаю.

Вот спасибо! Успокоил.

От усталости и скуки я находилась в дурном настроении. К тому же в туалет хотелось просто нестерпимо. Будь я собачкой, уже наделала б лужу на полу кареты. Стоило об этом подумать, как ладони пронзила боль. Я почувствовала, как фаланги втягиваются и вместо них начинают расти когти.

Вскрикнув от испуга, я моргнула. И уже не обращая внимания на сопровождающего, дёрнула занавеску. Поднесла ладони к окну и долго их рассматривала – это были мои руки, никакой шерсти или когтей. Но мне не померещилось. Я чувствовала боль, да и чурбан в плаще смотрел слишком внимательно.

Неужели тоже что-то заметил?

Винокуров ведь сказал, что никто не должен знать о моих способностях. А я едва не продемонстрировала их первому встречному. Я заметила, что он продолжает глядеть на меня, и напряглась, придумывая объяснение.

К счастью, оно не потребовалось.

– Закройте занавеску, – потребовал сопровождающий, – вас могут увидеть.

Это было самое длинное предложение, сказанное им за многочасовой путь. Я послушалась, не потому, что чурбан в плаще вдруг разговорился, просто он был прав – не стоит привлекать лишнее внимание.

Вскоре карета остановилась.

– Наденьте капюшон, – услышала я, когда уже сама собиралась это сделать.

Так и хотелось назло ему выйти с непокрытой головой, хорошо, что я взрослая и умная женщина, а не подросток, который делает всё наоборот. И всё равно под капюшоном скорчила рожу, не удержалась.

С противоположного сиденья донёсся тихий смешок, но я убедила себя, что мне показалось. Слишком темно, чтобы он мог что-то разглядеть.

Спустя пару секунд снаружи раздались голоса, и дверь открылась. Чурбан спрыгнул первым и поставил мне лесенку. А затем – неужели в самом деле?! – протянул руку.

Я не стала капризничать, схватила его ладонь, сквозь перчатку ощущая крепкую хватку воина, и быстро спустилась на землю. Точнее – раскисшую грязь, хлюпнувшую под моими ногами.

Руку чурбан сразу убрал, пришлось идти самостоятельно, стараясь не поскользнуться и не нырнуть в огромную лужу, разлившуюся посреди постоялого двора.

Это был именно постоялый двор, не гостиница и не придорожный мотель. Двухэтажное строение окружали дере-

вянные постройки. Навес для лошадей примыкал к основному зданию. У двери висел масляный фонарь, тщетно пытаясь разогнать темноту.

– Следуйте за мной, – велел сопровождающий меня чурбан и, не оборачиваясь, направился на свет фонаря.

Следом двинулся ещё один из тёмных плащей, остальные остались снаружи. Я решила, что они должны позаботиться о лошадях, в то время как эти двое – обо мне.

Внутри было тепло. Я почувствовала это всей своей озябшей сущностью. Масляные лампы разгоняли темноту, но скрывали огрехи, делая интерьер привлекательнее. Уверена, при дневном свете здесь всё будет выглядеть иначе: старым, неказистым, потрескавшимся.

Но это меня мало волновало, главное, чтоб не было тараканов и клопов, потому что я хочу рухнуть в постель и хорошенько выспаться.

Чурбан со шрамом не отличался терпением, потому что не пожелал ждать, когда к нам кто-то выйдет. Он принялся открывать все двери подряд.

За первой же оказалась кухня. На меня пахнуло сдобным духом, и я сглотнула выделившуюся слюну. Есть хотелось почти так же сильно, как и попасть в уборную.

Она нашлась за второй дверью, это я тоже определила по запаху. И, не давая не только бесчувственному, но и беспамятному чурбану захлопнуть эту дверь, скользнула в закрывающуюся щель.

Уже по другую сторону услышала, как он выругался. Но мне было всё равно, я нащупывала щеколду на двери, чтобы запереться изнутри. Своим сопровождающим я не слишком доверяла, с этого станется зайти и проверить, всё ли со мной в порядке.

– Фонарь хоть возьмите, – донеслось до меня, – не ровён час провалитесь, а мне доставать.

Я моргнула и обнаружила, что в уборной стоит кромешная тьма. Как это возможно? Ещё секунду назад здесь был просто полумрак. Я ж не сумасшедшая, чтобы лезть в незнакомое тёмное помещение.

Я правда видела, честное слово. Пусть не все детали, но очертания предметов, дверной проём, неровности пола.

Я уже догадывалась, что так проявлялись мои способности. Только проявлялись они, когда и как им было угодно. Я на это никак не могла повлиять.

Вот и сейчас попялилась с полминуты в темноту, надеясь вернуть зрение, а затем открыла дверь и забрала фонарь. Чурбан промолчал и правильно сделал. Вздумай он комментировать мой поступок, я бы не сдержала раздражения, слишком устала за день.

Когда я вышла, рядом с моими сопровождающими уже мялся невысокий сухонький старичок. Он едва доставал им до плеч и явно чувствовал себя неуютно.

– Здравствуйте, – поздоровалась я первой.

– Доброго здоровьичка, госпожа, – начал кланяться он. –

Прощения просим, нету трёх нумеров. Два только остались, путник с женой да дитём малым днём ещё на постой попросилися. Занедужило дитё. Отдал я им нумер, ну не гнать же с дитём в ямщицкую.

Голос у него был тонкий, дрожащий. И говорил старик быстро, будто боялся, что его перебьют. Я не понимала, почему он рассказывает всё это мне. Разве не чурбан у нас принимает решения? Мне показалось, он командует нашим путешествием.

– Ну два так два, – успокоила я старичка. – Ничего страшного. А ребёнку больному комфорт и тепло нужно, здесь вы правы

Мне показалось, старичок обрадовался и принялся кланяться мне с двойным усердием. Зато чурбан выглядел ещё более недовольным, чем прежде.

– Ладно, раз госпожа не возражает против двух нумеров, пусть будет два, – произнёс чурбан язвительно, при этом так выделив «госпожу», что сразу становилось понятно, он меня таковой не считает.

Номера располагались на втором этаже. Я поднималась по скрипучей лестнице, чувствуя, как прогибаются ступени под моими ногами. Похоже, не ошиблась, постоялый двор был старым, и всё в нём скрипело и прогибалось.

Меня разместили в последней комнате по коридору, мои провожатые забрали соседнюю.

Чурбан открыл дверь, и я вошла внутрь.

– Я принесу еды, – сообщил он, добавляя: – Заприте дверь и не открывайте никому, кроме меня.

– Хорошо, – я устало кивнула и послушно задвинула засов, когда чурбан ушёл.

Комнатка была небольшой. В ней помещалась единственная кровать, рассчитанная на двоих. Я поняла, почему плащи хотели три номера. Вчетвером они на кровати не поместятся, значит, кому-то придётся спать на полу.

Главное, что не мне.

Я села на край постели, скрипнувшей под моим весом, и продолжила осмотр номера. Стол с двумя стульями у окна. Небольшой шкаф с занавеской вместо дверцы. Между кроватью и стеной втиснулась высокая тумба с кувшином и тазиком.

Я пошла к ней в надежде умыться и едва не вскрикнула от восторга – кувшин был наполнен водой. Скинув плащ, я с наслаждением вымыла руки и лицо. А вот о полотенце здесь не подумали. Я проверила шкаф, оказавшийся пустым, затем тумбу – в ней стоял ночной горшок. К счастью, пустой.

Лицо пришлось вытирать рукавом, а руки – о подол платья.

Стук в дверь застал меня за расплетанием волос. Я хотела проигнорировать, помня наставление никому не открывать кроме чурбана. Но затем из-за двери донёсся голос:

– Откройте, это я.

– Кто «я»? – не удержалась от небольшой мести.

– Поручик Коршунов! – рыкнул чурбан. – Рекомендую немедленно открыть дверь!

Ой, подумаешь, постоял лишнюю секунду в коридоре. Я отодвинула засов и потянула створку, впуская чурбана. Надо же, поручик Коршунов. Лишь бы не заклевал меня, вон как глазами сверкает.

Чурбан пришёл с подносом. Я ждала, что грохнет им об стол, но ошиблась. Выдержкой поручик мог гордиться.

Я стояла у открытой двери, ожидая, когда Коршунов уйдёт. А он снял плащ, окинув комнату взглядом, заприметил гвоздь в стене и повесил на него. Зато оружие оставил при себе, только клинок поправил, когда занял один из стульев за столом.

– Вы не уйдёте? – поинтересовалась я, устав ждать.

– Вы же сами согласились на два нумера, так что придётся потесниться.

Он почти сразу отвернулся, но я готова поспорить, что на его лице мелькнула усмешка. Этот гад смеялся надо мной.

Ладно, мы ещё посмотрим, кто кого. В кровать я его не пущу! Пусть даже не надеется!

– Вы идёте? – спросил он, расставляя еду с подноса. – День был долгий, нужно подкрепиться перед сном.

Я пошла к нему и села напротив. День и правда был долгий, и есть мне хотелось больше, чем злиться.

– Кровать – моя! – заявила после ужина. – Даже не надейтесь!

Коршунов промолчал, но мне уже привычно послышался тихий смешок.

Я легла, не раздеваясь, только скинула сапоги, чтобы дать отдых уставшим ногам. Собиралась бодрствовать, чтобы немедленно пресечь попытки чурбана прорваться ко мне в постель. Но караулила недолго, сама того не заметив, провалилась в сон.

Проснулась я резко, толчком, по ощущениям едва не подпрыгнула на кровати, а на самом деле лишь открыла глаза. Ещё только собиралось светать, однако я видела комнату в мельчайших деталях. Пусть моё зрение сейчас и не было привычным, больше похожим на сепию старых, выцветших фотографий.

Коршунов сидел на приставленном к двери стуле. Судя по расслабленной позе и ровному дыханию, он спал. Прежде я бы так и решила. Однако сейчас, в полной тишине переходящей в утро ночи, я ощутила сбившийся на мгновение пульс. Чурбан только что проснулся и теперь наблюдал за мной.

Его инстинкты поражали. Такая чувствительность к окружающему миру вырабатывается годами и то выходит не у всех. Мне помогали способности, а ему опыт и тренировки.

– Раз вы уже проснулись, можно выехать пораньше, – произнёс он ровным голосом.

Мои попытки обмануть его так же не увенчались успехом. Я откинула одеяло и встала с кровати, оправляя измятое за ночь платье.

– Идёмте, провожу вас в уборную, – предложил он, видимо, не подозревая о наличии ночного горшка в тумбочке.

Но я бы и не стала им пользоваться. У меня эта деталь упорно ассоциировалась с ранним детством. И последние лет двадцать мне не приходило в голову туда возвращаться.

Проходя мимо соседней двери, Коршунов коротко стукнул один раз и, уверенный, что этого достаточно, двинулся дальше. Я гадала про себя, что будет, если его подчинённые не услышали и не проснулись. Стану ли я свидетельницей выволочки или наказания? А может, чурбан просто уволит этих людей? У него есть такая возможность? Или всем заправляет Винокуров, и только он обладает привилегией набирать и увольнять подчинённых?

Правда, узнать такие детали мне не привелось – когда я вышла из уборной, меня ждали двое людей в плащах. Они привели меня в кухню, где уже суетилась крупная, дородная женщина, поспешая с завтраком.

Он оказался таким же незамысловатым, как и ужин. Гречневая каша с редкими ворсинками мяса, ломоть хлеба и подслащенный мёдом травяной чай.

Мои сопровождающие ели быстро и сосредоточенно, словно завтрак являлся задачей, которую нужно выполнить в установленный срок, чтобы приступить к следующим.

Покончив с едой, все, кроме Коршунова, ушли. Он оставался за столом, глядя мимо меня, в окно с мутным стеклом, где занимался рассвет. Меня порадовало, что дождя не

слышно. Может, сегодня дорога будет более приятной.

В смысле не такой ухабистой. В компании хмурого молчаливого поручика приятным путешествие назвать сложно.

Глава 5

Я снова ошиблась, раскисшая грязь никуда не делась. Пару раз карета застревала, и мои сопровождающие с трудом выталкивали её на обочину. Коршунов каждый раз присоединялся к своим людям, но мне выходить запрещал.

Мы снова ведь день провели в дороге и снова ночевали на постоялом дворе. На этот раз чурбан снял три нумера, но спал опять на стуле у двери в моей комнате. Я поняла, что в прошлый раз он смеялся надо мной. А может, хотел преподать урок, кто разберёт этих солдафонов, что у них на уме?

Я не знала, куда мы едем, не следила за дорогой, потому что мне не позволяли выглядывать в окошко. Хотя если б и следила, вряд ли смогла бы угадать. Мои вопросы Коршунов проигнорировал, и я больше не пыталась спрашивать. Приеду – узнаю.

Я постаралась расслабиться и по примеру поручика откинулась на стену кареты. Она вдруг резко остановилась. Меня швырнуло вперёд, а затем сильно приложило головой. Оглушённая, я непонимающе моргала, пытаясь осознать, что произошло.

Зато Коршунов действовал быстро и решительно. Едва карета застыла, покосившись на бок, он вскочил. Сунул мне в руки пистолет. Антикварный такой, дуэльный, какие пока-

зывают в исторических фильмах.

– Пользоваться умеете? – спросил он.

Я закачала головой, чувствуя, как по пальцам, сжимающим оружие, проходит дрожь.

– Держите двумя руками дулом в сторону врага, если кто зайдёт, не назвав себя, жмите на курок. Понятно?

Я кивнула, хотя вовсе не была уверена, что смогу выстрелить в живого человека. Хотела спросить, заряжен ли пистолет, но поручик уже выскочил за дверь, захлопнув её за собой. Снаружи доносились звуки борьбы, звон клинков, выстрелы, по-военному короткие выкрики моих сопровождающих и отборная брань нападавших.

Ржали напуганные лошади, пытаясь вырваться, и дёргали застрявшую карету, пугая меня ещё сильнее.

Я продолжала держать пистолет на весу. Он становился всё тяжелее, дуло ходило ходуном. Что-то с силой ударилось о стенку, заставив меня вздрогнуть. Оружие выпало из рук, стукнулось об пол и выстрелило, заполнив карету пороховым дымом.

Оглушённая грохотом, отчаянно кашляя, я попыталась нащупать дверь. Она распахнулась перед моим носом, явив чурбана, которого я впервые увидела напуганным. Он подхватил меня и вытащил наружу, попутно ощупывая моё тело, даже в самых неприличных местах.

– Не смейте! – выдохнула я устало, обессилено прижимаясь к нему. Выброс кортизола вместе с адреналином забрал

все мои силы.

– Вы не ранены? – напряжённо спросил Коршунов.

– Не знаю, – ответила я, – но щупать себя не позволю. Сама проверю, когда наконец приду в себя.

Чурбан коротко хмыкнул и отстранил меня, прислонив к распахнутой двери кареты.

– Тогда стойте здесь, – велел он.

Я пошарила рукой, ища, за что ухватиться, чтобы наверняка не упасть, ведь ноги опасно дрожали и подкашивались. Пальцы нащупали острые щепки. Повернув голову, я увидела дыру от пули в дверце. А в нескольких шагах впереди раскинулся незнакомый человек, и по его груди разливалось кровавое пятно.

Я ахнула, глядя на мёртвое тело, затем в груди что-то перемкнуло, не позволяя дышать. Я убила человека? Убила живого человека!

Голова закружилась, всё поплыло, а в ушах гудел набат. Изнутри рвануло, я едва успела согнуться к колесу.

– Дышите! – приказал появившийся рядом Коршунов.

И я начала дышать.

– Это я его? – кивнула, не оборачиваясь на мертвеца.

– Нет, – ответил поручик таким серьёзным тоном, что я подняла на него взгляд, а потом добавил: – Его совесть замучила, и он застрелился.

Я хмыкнула:

– Смешно, – хотя мне было совсем не до смеха.

Пальцы по-прежнему дрожали, но в голове постепенно прояснялось.

– Стоять можете? – поинтересовался Коршунов.

– Кто это? – ответила я вопросом на вопрос, глядя, как мои сопровождающие оттаскивают тела к обочине и сбрасывают в канаву.

– Те, кто знал, что мы везём нечто важное, – бросил чурбан и отошёл к своим подчинённым.

Вот как есть чурбан! Бесчувственный. Никакого сопереживания человеку, впервые оказавшемуся в подобной заварушке. И что такое важное они, кроме меня, везут, что из-за этого им устроили засаду?

– Вот, у этого при себе было, – я наблюдала, как один из подчинённых передал Коршунову небольшой мешочек, звякнувший монетами, свёрнутое письмо и что-то металлическое, похожее на бляху или жетон.

Поручик даже в руки его брать не стал, только скривился. А я думала, что лицо Коршунова уже не может стать ещё более хмурым. Похоже, ему эта вещь была хорошо знакома, вот только мне ничего объяснять не собирались.

Разобравшись с телами, мои сопровождающие принялись вытаскивать карету из глубокой ямы, выкопанной на дороге специально для нас. А наполнившись водой, она стала неотличима от обычной лужи, которыми пестрел наш путь.

Мне велели отойти в сторону.

– Не боись, барышня, мы вас в обиду не дадим, – вдруг

сообщил мне один из тёмных плащей, закрывая дверь кареты и приготовившись её толкать.

– Да я не боюсь, – вздохнула, кидая взгляд на ощерившееся щепками отверстие.

– Это вы очень смело, – похвалил плащ, перехватив мой взгляд. – Боевая!

– Я человека убила, – пожаловалась ему дрогнувшим голосом.

Он с пару секунд обдумывал мои слова, а затем вдруг протянул:

– Не-е, пуля вверх ушла, по щепе видно.

– Но ведь он лежал почти у двери, – возражала я, одновременно чувствуя, как внутри просыпается надежда.

– То командир наш, – махнул рукой плащ. – Вам учиться и учиться, чтоб так метко стрелять.

– Спасибо! – пробормотала я, улыбаясь.

Несколькими словами этот человек вернул мне меня. Я не убийца, это Коршунов застрелил нападавшего. Жаль, что он не Козлов, эта фамилия подошла б ему больше. Ведь мог же сказать, что это не я, но даже и не подумал меня разубеждать.

– Садитесь в карету! – наконец приказали мне.

Я послушалась, даже не собираясь спорить или ругаться. Только про себя подумала, что ещё припомню это поручику.

– Яковлев, Порфирьев, езжайте вперёд! – услышала я снаружи. – И постарайтесь, чтобы на этот раз кто-то остался жив и мог говорить.

Плащи вскочили в седла, и я расслышала дробный топот копыт, сопровождаемый чавканьем грязи. Значит, поручик ждёт ещё нападение? Что же такое важное они всё-таки везут?

Коршунов забрался внутрь, откинулся на стенку и закрыл глаза. Я смотрела на него, разглядывала черты лица, сведённые брови, нахмуренный лоб, поджатые губы, старый шрам через пол-лица.

– Скоро приедем, – вдруг он подал голос. Наверное, заметил моё внимание. – Постарайтесь поспать.

Ага, поспать – отличный совет. Особенно после нападения из засады шести головорезов, которым нужно нечто важное, что везут плащи.

А везут ли они что-то, кроме меня?

Карета недолго тащилась по грязи, вскоре её сменила мощённая булыжниками мостовая. Снаружи доносились редкие голоса, скрип колёс старой телеги, собачий лай. Я не удержалась и, покосившись на чурбана, отодвинула занавеску.

За окном шёл ряд небольших домиков с пустыми палисадниками и голыми деревьями. Их сменили двух и трёхэтажные дома с каменными основаниями. Людей по случаю вновь зарядившего дождя и рано спустившихся сумерек на улице не было, однако я поняла, что это город. На возвышенности виднелся храм с пятью куполами, высокой колокольней, заметной наверняка из любой точки города.

Мы проехали его насквозь и вновь оказались на просёлочной дороге. Я уж решила, что Коршунов преувеличил, и впереди у нас ещё часы пути, как вдруг карета остановилась.

Чурбан мгновенно проснулся. Мне показалось, он открыл глаза, одновременно вставая на ноги. Снова вышел первым, чтобы убедиться, что всё в порядке, и бросил мне неожиданное:

– Оставайтесь на месте! – а затем захлопнул дверцу. Вот ведь… чурбан!

Снаружи слышались голоса, происходило какое-то шевеление, а я сидела внутри кареты. Пыталась подглядывать в окна, но с обеих сторон разобрала лишь силуэты деревьев. Впереди горели фонари или факелы, однако их света не хватало, чтобы понять, куда меня привезли.

Лошади тронулись неожиданно, и я шлёпнулась на сиденье. Коршунов не вернулся, заставляя меня нервничать. Что мне делать? Оставаться внутри, как он велел? Или выпрыгивать на дорогу, пока не поздно? Кстати, дорога здесь оказалась без ухабов, плотная и ровная, это заставило меня подождать с выпрыгиванием. И, оказалось, я не зря послушалась приказа поручика, потому что через пару минут он открыл дверцу и как ни в чём не бывало велел:

– Выходите! Приехали.

Света не хватало. Я разглядела лишь большое здание с правой стороны. Повернулась к поручику, чтобы спросить, но он меня опередил.

– Продержитесь шесть месяцев, потом мы вас заберём, – и хлопнул по дверце кареты, которая тут же тронулась с места. Сам Коршунов вскочил на задки и уехал.

Что?! А я? Кто мне объяснит, что это за место?

Я растерялась, не понимая, что делать дальше. Раз чурбан сказал, что заберёт меня через полгода, значит, я должна остаться здесь. Решив, что мокнуть под вновь зарядившим дождём не обязательно, я направилась к зданию.

Глава 6

Единственный фонарь давал слишком мало света, приходилось идти медленно, внимательно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться. Я поднялась по каменным ступеням, подошла к высокой двустворчатой двери и потянула за бронзовое кольцо, увенчанное головой какого-то зверя. Какого именно, смогу рассмотреть только утром, а сейчас я устала, слегка промокла и была ужасно голодна.

Внутри меня тоже встретила темнота – чёрная, непроглядная и гулкая. Мы точно туда приехали? Похоже, здесь никого не ждут.

Стоило так подумать, в глубине дома засветился огонёк. Сначала это было лишь неясное свечение, но оно приближалось, обретая очертания лампы в руках женщины. Она не спешила и не догадывалась о моём присутствии, пока не подошла на расстояние нескольких шагов.

Свет лампы озарил сухое узкое лицо пожилой дамы со строгим чепцом на волосах. Увидев меня у двери, женщина замерла на пару секунд. Её брови от изумления полезли на лоб, но до чепца не добрались. Черты лица исказились от гнева.

– Кто позволил тебе войти?! – вместо приветствия бросила она раздражённо.

– Никто, – я пожала плечами. – Снаружи идёт дождь, я

промокла и решила укрыться здесь. Может, меня не туда привезли?

– Ты чересчур дерзкая, – с тем же раздражением сообщила она. – В моём пансионе в девицах ценят скромность, свой норов можешь оставить снаружи.

Приехали.

Оказывается, чурбан был прекрасным попутчиком, приветливым и участливым, по сравнению с этой женщиной. А я о нём плохо думала. Вернись он сейчас за мной, я б побежала к карете впереди него. Пусть там снаружи холодно и опасно, но здесь тоже сквозило холодом, хоть и другого рода. И опасностей меня в этом пансионе может поджидать ничуть не меньше.

– Называй меня госпожа Хладова, – велела она.

Я едва не хмыкнула, бывают же говорящие фамилии.

– Как тебя зовут?

– Александра…

– Имени достаточно, – перебила она. – Следуй за мной.

Госпожа Хладова двинулась вперёд, ни разу не обернувшись на меня, словно её не интересовало, следую ли я за ней. Интересно, если я потихоньку выскользну за дверь и исчезну, что она сделает? Наверняка пожмёт плечами, стиснет и без того узкие губы, а потом займётся своими делами. До меня этой женщине нет никакого дела.

Она поднялась на третий этаж, прошла по длинному коридору и открыла одну из дверей.

– Жить будешь здесь, – сообщила Хладова, – твоя кровать справа.

Я подошла к тёмному проёму.

– А как я найду кровать? Тут же ничего не видно, – я понимала, что показываю свой характер, по мнению этой дамы, но ведь можно же дать мне пусть не лампу, но хотя бы свечу. Как я должна без света ориентироваться в незнакомом помещении?

– Захочешь – найдёшь, – бросила она и через секунду напряжённого молчания добавила: – Если не желаешь выполнять мои распоряжения, можешь выметаться прямо сейчас.

Я вздохнула, собрала все крохи терпения, что у меня оставались, и зашла в комнату. За спиной удивительно бесшумно закрылась дверь, оставив меня в кромешной тьме.

– Зря ты так с мамой Холод разговариваешь, она мстительная, – вдруг произнёс девичий голос.

Я вздрогнула от неожиданности.

– Кто здесь?

– Меня зовут Ольга, я твоя соседка.

– У тебя есть свеча? И где можно взять воды? Хочу умыться после дороги.

– Боюсь, до утра ты не сможешь умыться, и вообще не рекомендую выходить из комнаты по ночам. Если поймают, начислят штрафные баллы, – сообщила соседка. – Наберёшь десять баллов, получишь порку плетьми.

– Что это за место такое? – ужаснулась я.

– Пансион госпожи Хладовой для девиц из средних сословий.

– И вы её называете мама Холод? Очень тонкая ирония.

– Только при ней не произноси этого, заработаешь сразу десять штрафных, – хмыкнула Ольга.

Соседка мне понравилась, ещё до того как я её увидела. Пока мы разговаривали, я на ощупь нашла кровать и начала снимать одежду. Промокшие ноги требовали горячей воды, волосы – щётки. А всё тело мечтало о ванне, но здесь меня не ждала услужливая горничная. Неприветливая встреча и отсутствие элементарных удобств недвусмысленно намекали, что в пансионе прислуживать мне не будут. Придётся обходиться самой.

Не то чтобы я успела привыкнуть, но в условиях отсутствия электричества и водопровода придётся несладко. Кое-как сложив одежду на подвернувшуюся под руку поверхность, я забралась в постель. Платье с длинным рядом пуговиц на спине снять не удалось, для этого нужна помощь. А соседка замолчала, и я решила, что она спит.

Тюфяк на кровати оказался набит соломой. Местами она слежалась, образуя комья, где-то – проплешины, а кое-где проткнула мешковину и нещадно кололась.

Условия почти как в тюрьме, только что вместо каменного пола сбитая из досок кровать, а солома не разбросана по всей камере. Ещё температура оказалась немногим выше и чуть меньше сырости. Однако латаное одеяло пропускало

тепло, и как я ни пыталась сжаться в комочек, к утру замёрзла, словно щенок на морозе.

Разбудил меня гулкий повторяющийся звук. В спальне было ненамного светлее, похоже, светать только начинало. Я различала лишь абрис предметов. Две кровати у противоположных стен, шкаф, до которого ночью я не добралась. И ниша с образами в стене, её в темноте я ошибочно приняла за поверхность и сложила одежду.

– Убери скорей, – посоветовала тоже проснувшаяся соседка. – Если зайдёт проверка…

– Начислят штрафные баллы? – сделав большие глаза, поинтересовалась я.

Ольга тихонько прыснула, покосившись на дверь. И я решила, что всё не так уж плохо – один приятный человек здесь точно есть.

Я повесила плащ, расправив влажные, слежавшиеся полы. Платье за ночь тоже измялось, соседка посмотрела сочувственно, но ничего не сказала. Она споро расчёсывала волосы деревянным гребнем. Они у неё оказались длинными, много ниже пояса. Мне такое ещё растить и растить.

Я свои кое-как разобрала пальцами и хотела уже заплести косу.

– У тебя нет гребня? – спросила Ольга.

– У меня вообще нет никаких вещей, – честно ответила я.

Не думаю, что для Винокурова составило бы сложность снарядить меня в дорогу всем необходимым. Скорее всего,

он не подумал, что в пансионе мне понадобятся вещи. Или не знал этого.

– Возьми пока мой, – Ольга протянула гребень, – неубранные волосы, как и мятая одежда, влекут за собой, ты уже знаешь что.

Улыбнулась она нерадостно, подтвердив мою догадку о платье.

– Тут пуговицы на спине, не смогла расстегнуть, – объяснила я, принимаясь за волосы. – Спасибо!

– Мы должны помогать друг другу, поодиночке здесь не выстоять, – откликнулась соседка. – А за платье тебе в любом случае влетело бы, оно не уставное.

Я посмотрела на её тоскливый наряд. Форменное платье коричневого цвета и тёмно-серый, почти чёрный фартук. Оживляет эту темноту лишь белый открахмаленный воротничок.

– Но мне не дали уставного, – возмутилась я. – Мне вообще ничего не дали, даже воды.

– Мама Холод всегда в первый день унижает новенькую на глазах у всех, – Ольга смотрела с сочувствием. – Мне жаль, но тебя в любом случае ждёт порка. Госпожа Хладова уверена, что это сбивает спесь с вновь прибывших девиц.

– Гадюка, – пробормотала я.

Эта женщина с первого взгляда мне не понравилась. И не зря.

Ольга привычно уложила строгий узел на затылке, а я за-

плела простую косу.

– Давай помогу тебе, – предложила соседка.

– Меня всё равно ждёт порка, какая разница – одна причина для неё или две? – улыбнулась я. Однако на душе было невесело.

Снова раздался ритмичный гул.

– Идём, это сигнал, – Ольга первой направилась к выходу.

Я пошла за ней.

Изнутри пансион выглядел опрятно, но скромно. Даже чересчур. Ровный коридор с однотонными обоями и покрытыми чем-то прозрачным досками пола. Одинаковые двери без всяких табличек. Лестница без ковра с прямыми балясинами. Только на первом этаже портреты императорской четы. Ни царя, ни имя его супруги навскидку вспомнить не удалось. Потом спрошу у соседки.

Мы прошли холл насквозь и свернули ещё в один коридор, где за тёмными дверями стыдливо прятались уборные и умывальня. Здесь я увидела десятка полтора девушек, лет, наверное, от пятнадцати до двадцати. Все косились на меня украдкой, но никто не заговорил. Да и между собой они не общались.

Видимо, в пансионе разговоры не поощрялись.

Воду в таз пришлось набирать самостоятельно, зачерпывая ковшом из большой деревянной бочки.

У выхода на гвозде висела холстина – одна на всех. Я заметила, что девушки стараются вытираться аккуратно, что-

бы не намочить лишний участок ткани. И всё равно, когда я добралась до него, полотенце промокло насквозь.

Ольга ожидала меня у двери.

– Идём, – поторопила она, – на завтрак нельзя опаздывать. Иначе останемся голодными.

И мы поспешили в столовую.

Она представляла собой большое помещение с длинным столом, вдоль которого стоял идеально ровный ряд стульев. Возле них такой же ровной линией, спинами к столу, ожидали девушки.

В нескольких шагах от двери стояла мама Холод. В руке она держала короткий стек, ритмично похлопывая им по ладони.

Заходя, воспитанницы коротко приседали перед хозяйкой пансиона и устремлялись к своему месту. Одна рефлекторно ускорила шаг, и госпожа Хладова коротко кашлянула. От испуга девушка споткнулась на ровном полу и едва не упала. Под сочувственными взглядами остальных она сумела выправиться, выпрямить спину и нарочито спокойно добраться до стола.

Следом за ней шла Ольга, я была последней. Отвлёкшись на разглядывание помещения и воспитанниц пансиона, я прошла мимо источавшей холод Хладовой. Что нужно поприветствовать её коротким реверансом (или как он там называется?), я сообразила, уже подходя к столу.

Мне досталось место с краю. Покосившись на своих това-

рок, я встала вдоль невидимой глазу линии.

Едва все девушки заняли места, мама Холод начала обход. К счастью, или наоборот, на мою беду, двинулась она с другого края, и я снова оказалась последней.

Я заметила, как дружно, единым движением, словно роботы, все вытянули руки ладонями вверх. С секундной задержкой я сделала то же самое.

В столовой воцарилась напряжённая тишина. Казалось, я слышу, как взволнованно стучат сердца. Все ждали неприятностей. Запах надвигающейся беды разливался в воздухе.

Не выдержав напряжения и желая понять, что там происходит, я обернулась. Хладова будто только и ждала, когда я допущу эту оплошность. На одно бесконечно долгое мгновение мы с ней встретились взглядами. На лице хозяйки пансиона отразилось торжество.

Я поняла, что Ольга была права. Как бы я ни старалась вести себя идеально, мама Холод нашла бы причину для наказания. А не нашла, так выдумала б её.

Ну что ж, порка так порка, вряд ли она страшнее химиотерапии.

Когда Хладова перешла на мой ряд, я скосила глаза. Она проверяла руки девушек на чистоту. Сначала внутреннюю сторону ладоней, затем тыльную. Одну заставила наклонить голову и дёрнула за волосы.

– Убрать беспорядок! – прошипела мама Холод.

– Да, госпожа Хладова, – едва слышно пробормотала де-

вушка.

– Три удара и один балл, – продолжала хозяйка пансиона.

– Да, госпожа Хладова, – на этот раз я с трудом разобрала ответ воспитанницы.

Девушка вытянула руки вперёд и получила три хлёстких удара стеком по раскрытым ладоням. Чтобы не застонать, она закусила губу. Интересно, меня ждёт такое же наказание или мама Холод придумает что похуже?

Когда она отходила от девушки, та непроизвольно выдыхала. Я заметила, что и сама напряглась, задержав дыхание, когда очередь дошла до меня.

Госпожа Хладова брезгливо глянула на мои ладони. С переворачиванием рук я замешкалась, всего на долю секунды, но успела получить хлёсткий удар. Не в полную силу, так напоминание, что нужно следовать установленному ритму. И всё равно кожу в месте соприкосновения со стеком опалило жаром. Опустив взгляд, я наблюдала, как проявляется красная полоса.

Мама Холод дёрнула меня за косу, гораздо сильнее, чем было необходимо, чтобы обратить внимание на неправильную причёску. Используя её как рычаг, хозяйка пансиона заставляла меня поворачивать голову, осмотрела одно ухо, затем второе, шею спереди и сзади.

Потом зацепила платье длинным, похожим на крючок, пальцем и рванула к себе с такой силой, что я по инерции сделала шаг к ней. Затрещали нити, удерживающие пуговки

на спине.

– Беспорядок на голове, неуставное платье, неумение держать строй, – перечисляла она мои грехи. – Восемь ударов и десять штрафных баллов.

Последние слова заставили некоторых из воспитанниц ахнуть.

– А ну тихо! – взвилась мама Холод. – Или хотите разделить с ней наказание розгами?!

В столовой воцарилась тишина, такая гулкая, что я услышала, как в кухне капает вода, ритмично ударяясь о каменный пол.

– Руки! – прорычала госпожа Хладова и, не дождавшись мгновенного исполнения, ударила меня стеком по щеке.

Лицо словно разрезало пополам, я непроизвольно коснулась кожи и проверила пальцы. К моему удивлению, крови не было.

– Вытяни руки перед собой, – медленно, едва не по слогам произнесла хозяйка пансиона, с угрозой добавляя: – Разумеется, если не хочешь получить двадцать баллов в первый же день пребывания здесь.

Во мне шла внутренняя борьба. Первой реакцией было выхватить стек и избить им маму Холод, чтобы старая душегубка на своей шкуре ощутила, каково это. Но затем мне в голову пришло, что меня испытывают. Тот род деятельности, к которому Винокуров меня готовит, предполагает любые неожиданности. Кто знает, что может ждать меня впе-

реди.

Методы Хладовой болезненны, унизительны, но не смертельны. Я смогу выдержать это испытание. А если мама Холод намерена сломать мой дух, то она сильно просчиталась с выбором жертвы. Со мной подобное ей не удастся.

Я начала жизнь заново вовсе не для того, чтобы позволить старой карге, завидующей и потому ненавидящей юных девушек, заставить меня умолять её о пощаде.

Пусть делает, что пожелает, я выдержу. Заодно узнаю свой болевой порог.

Я вытянула руки перед собой, с улыбкой посмотрела на Хладову и милостиво разрешила:

– Можете приступать.

Глава 7

Её лицо побелело от гнева, затем на щеках проступили алые пятна. Прежде ни одна из девушек не смела так с ней разговаривать. Однако опешила она лишь на мгновение, в следующее – мои ладони обжёг удар. Я стиснула зубы, чтобы не застонать. Это уже не было предупреждением, директриса желала причинить мне боль.

Увидев выражение моего лица, Хладова растянула в улыбке тонкие губы. Я угадала, делая больно девушкам, она испытывала наслаждение.

Второй удар пришёлся выше – по запястьям, где кожа нежнее и чувствительнее. И повтор по этому же месту. Я задержала дыхание, напряглась изо всех сил, чтобы слёзы не брызнули из глаз. Эта гадина только и желает их увидеть.

Она хочет сломить меня, но у неё не выйдет. Я решила это, считая про себя удары. Вот уже половина, осталось вытерпеть ровно столько же.

Последние вышли особенно хлёсткими. Я слышала, как свистит стек, рассекая воздух. Но упрямо не произнесла ни звука. И почувствовала себя победительницей, когда мама Холод отошла от меня с разочарованным выражением на лице.

– Завтрак, – объявила она, отходя к стене, чтобы наблюдать сразу за всеми.

Девушки начали рассаживаться за столом, стараясь приподнимать стулья, чтобы они двигались бесшумно. Мои ладони жгло огнём, и я даже не пыталась следовать их примеру. В тишине ножки оглушающе громко проехали по доскам пола. Я знала, что мама Холод смотрит на меня, все смотрели, но сделала вид, что ничего особенного не происходит.

– Два балла Александре за неумение блюсти тишину, – ровным голосом произнесла директриса.

Тварь! Будто не знала, что после её наказания я ложку с трудом удержу, не то что стул.

Я подняла голову и встретилась со взглядом мамы Холод. Она смотрела испытующе, ждала моей реакции.

– Да, госпожа Хладова, – ответила я, как прежде другая воспитанница, получившая штрафные баллы, а затем сквозь силу улыбнулась.

Пусть не думает, что так просто сумела сломить меня.

В столовую вошли две служанки – среднего возраста, обе в теле, с въевшейся в морщины усталостью. Одна катила стол-разноску с большой кастрюлей и стопкой мисок, вторая несла поварёшку. Они поочерёдно обходили воспитанниц. Каша с неприятным звуком шлёпалась на тарелку, иногда брызгая на стол и платья девушек.

Наконец очередь дошла до меня. Служанка наполнила миску, бросила сверху маленький кусочек сливочного масла и поставила передо мной.

Я с трудом взяла ложку, отыскав не покрасневшее ме-

сто на правой ладони и уперев в него черенок. Каша оказалась овсяной, похожей на густой серый кисель и совершенно пресной на вкус. Я спокойно, без тени отвращения на лице, съела всё, что лежало в моей миске. И запила остывшим травяным чаем, который принесли через несколько минут после каши.

Сытости я не почувствовала, уверена, как и остальные девушки. Хоть бы на кусок хлеба расщедрились. Другие воспитанницы, завершив завтрак, поднимались из-за стола и уносили с собой миски. Я поняла, что больше ничего не светит, и последовала их примеру.

– Идём, – коснулась моего плеча Ольга, – у нас полчаса до начала занятий. Тебе нужно переодеться и привести в порядок руки.

– Спасибо, что помогаешь мне.

Мои ладони действительно выглядели жалко, на них вспухли красные полосы, которые сильно жгло.

Соседка отвела меня в умывальню. Мы проходили через холл с портретами, и я спросила:

– Как зовут жену Николая I?

– Кого? – не поняла Ольга.

Я кивнула на императорскую чету.

– Царя нашего сразу узнала, а имя супруги запамятовала.

– Государя императора Российского зовут Александр Павлович Романов, императрицу – Елизавета Алексеевна, – соседка изумлённо смотрела на меня. – Неужели можно этого

не знать?

Я пожала плечами. Ну подумаешь, перепутала. Этих Романовых столько было, всех не упомнишь. Значит, сейчас на троне – Александр. Я постаралась запомнить его лицо и супруги тоже, вдруг пригодится.

В умывальной Ольга полила мне на руки холодной водой из бочки. Рубцы стало печь чуть меньше.

– Зря ты разозлила маму Холод, – посетовала соседка. – Она не любит, когда ей противостоят. Хотя это было очень смело. Сегодня ты завоевала уважение многих девочек, только вот от наказания это тебя не спасёт.

– То есть это ещё не наказание? – поразилась я.

Хладова – настоящая садистка.

– Она всегда так с новенькими?

– Только если пытаются дать отпор, – вздохнула Ольга. – Таким тяжко приходится. Но долго никто не продержался, Хладова ломает всех без исключения.

– Посмотрим, как у неё выйдет со мной, – зло прошипела я, потому что израненные ладони окатила очередная порция холодной воды.

– Лучше отступись.

– Ни за что, этой злобной гадине не выйдет меня сломать! – пообещала я, наполненная решимостью сдержать слово.

Ольга не стала спорить, только вздохнула. Может, думала, что я бравирую, может, сомневалась, что сумею.

Мокрое полотенце уже убрали, пришлось сушить руки на

весу. Вытирать о жёсткую ткань платья было бы слишком болезненно.

Соседка привела меня к двери, как обычно, без таблички.

– Постучи, подожди разрешения и тогда заходи, – наставляла она. – Швею зовут госпожа Тюнина. Будь с ней предельно вежлива, если не хочешь, чтобы платье жало или булавка в шве «случайно» осталась.

– Какие же милые люди здесь работают, – съязвила я, прежде чем постучать в дверь.

Тюнина оказалась женщиной лет сорока с длинным носом и собранными в пучок волосами. Она окинула меня цепким взглядом, не упуская из виду ни мои ладони, неестественно отставленные в стороны, ни напряжённое выражение лица.

– Зайди и закрой за собой дверь, – велела она.

Я послушалась. Помещение, которое занимала швея пансиона, было небольшим, но очень светлым. Несколько шкафов, деревянный прадедушка манекена, стол с рулонами тканей.

За те десять минут, что я находилась внутри, Тюнина бросала мне короткие, рубленые фразы, словно экономила слова или старалась до минимума сократить общение с новенькой.

– Подними руки. Вытяни в стороны. Опусти.

Она сняла с меня мерки и, хмыкнув, направилась к одному из шкафов. Едва взглянув, вытащила из недр платье и сунула мне.

– Примерь.

– Вы не могли бы помочь мне расстегнуть пуговицы? – спросила я.

– Нет, – бросила она без объяснений.

Я не стала спорить. С трудом преодолевая сопротивление жёсткой, нетянущейся ткани, завела руки за спину. Это было проблематично и со здоровыми ладонями, а сейчас практически неосуществимо.

Я взяла форменное платье и двинулась к двери. Ольга ждёт меня в коридоре, попрошу её помочь и переоденусь в умывалке.

– Куда? – поинтересовалась Тюнина.

– Пойду переодеться.

– Переодевайся здесь, мне же надо подогнать размер, – выдала она удивительно длинное предложение, которое никак не объясняло, каким образом мне избавиться от старого платья.

И тут на столе я заметила скальпель. Устав от этой ситуации и порядков в пансионе, раздражённая равнодушием или агрессивностью работников, я подошла к столу, схватила скальпель и разрезала своё платье от ворота до подола. Хорошую вещь, тёплую и качественно сшитую, было жаль, но другого выхода я не нашла.

Госпожа Тюнина бросила на меня спокойный взгляд и ровным голосом произнесла:

– Три штрафных балла.

– Да за что?! – изумилась я.

– Я не давала позволения брать мои вещи, – ответила она, глядя мне в лицо.

Ну и место выбрал товарищ Винокуров!

Стянув разрезанное платье, я надела форменное. Оно оказалось впору. Несмотря на гадкий характер, Тюнина являлась мастером своего дела. Но говорить ей это я, разумеется, не собиралась. Слишком много чести. Просто стояла, ожидая, когда она оценит и скажет, что дальше.

В её взгляде вспыхнуло удовлетворение. Она поднялась и достала из другого шкафа три фартука – два тёмно-серых и один белый.

– За вторым платьем придёшь через неделю, – бросила швея и вернулась к своему занятию, больше не обращая на меня внимания.

Я подобрала разрезанное платье и вышла в коридор, где меня поджидала взволнованная Ольга.

– Долго ты, я уже начала переживать. Как прошло? – она говорила и одновременно окидывала меня взглядом. – Повезло, у неё нашлось платье по твоим меркам.

– Ну и штучки у вас тут работают, – я пропустила её слова мимо ушей, ещё не отойдя от общения с Тюниной. – Кажется, что все ненавидят воспитанниц. Швея насчитала мне три балла только за то, что я взяла её скальпель, чтобы разрезать ткань.

– О-о, – сочувственно протянула Ольга. – Госпожа Тюнина не любит, когда у неё что-то трогают.

Я закатила глаза.

– Почему бы не найти другую работу, если так ненавидишь воспитанниц?

– Женщинам очень нелегко найти работу, – Ольга пожала плечами. – А здесь есть крыша над головой, питание и какая-то оплата труда. Если бы мне позволили, после завершения обучения остаться здесь, я была бы очень рада.

– Так себе вариант, – я скорчила рожицу.

– Увы, других у меня нет, – соседка вздохнула. – Отец смог дать приданое только двум моим старшим сёстрам, на меня не хватило. Зато он оплатил обучение здесь, чтобы я нашла себе работу хотя бы гувернанткой, раз уж не суждено выйти замуж. Здесь большинство таких, многие хотели бы остаться, несмотря на маму Холод и прочих.

Я приобняла её за плечи, поддерживая. Раньше я не особо задумывалась, что жизнь женщин в прошлом настолько печальна. Хотя классическая литература и разбирала примеры несчастных со сломленными судьбами, это воспринималось как фантазия писателя. Сейчас, стоя рядом с живой девушкой, которая не питала никаких надежд на светлое будущее, я видела, сколько возможностей предоставлялось мне в прошлой жизни.

Если бы не проклятый рак…

– Ладно, идём, госпожа Хладова не пускает опоздавших в класс и назначает штрафные баллы, не разбираясь.

– У нас сейчас занятие у Хладовой? – изумилась я, поче-

му-то решившая, что с ней покончено, хотя бы на сегодня.

– Она ведёт чистописание и французский, – подтвердила Ольга, делясь наставлениями: – Смотри, она не переносит, когда дрожит рука с пером, или когда ставишь кляксы, может отхлестать стеком, если разозлится.

– Отличная методика обучения, – скривилась я.

Соседка невесело хмыкнула, повторив:

– Держи перо крепко, как можно крепче, даже если будет больно. Думаю, она намеренно бьёт по ладоням, чтобы потом придраться ещё и к почерку.

Я вздохнула. Что ж, маму Холод ждёт большой сюрприз. Я не только не умею правильно держать перо и пользоваться им, но и не знаю русской грамматики начала девятнадцатого века. Помню только, что там некоторые буквы писались иначе, а в конце слова ставился твёрдый знак.

В общем, весело будет всем.

Глава 8

Мы зашли в нашу комнату, где я надела один из чёрных фартуков, убрав остальные два в шкаф. А затем отправились к госпоже Хладовой на урок чистописания, что бы там ни ждало.

Я предполагала, что аудитория будет похожа на наши современные классы. Хотя бы в общих чертах – парты на одного или двух человек, учительское место, большая доска, горшки с цветущей геранью на подоконниках.

Однако классная комната оказалась близнецом столовой, только без запаха казённой еды. По центру стоял длинный стол с двумя рядами стульев и ожидающие у них воспитанницы, в этот раз лицом внутрь.

Мама Холод караулила у входа с карманными часами на цепочке. Как только мы с Ольгой вошли, директриса с недовольным лицом убрала часы. Похоже, она надеялась, что я опоздаю и получу новую порцию унижений.

Два стула за столом оставались свободны, мы встали рядом.

– Садитесь, – прозвучал голос госпожи Хладовой.

И опять девушки занимали свои места практически бесшумно. Только я сначала села, а затем начала подтягивать стул без помощи рук.

– Два балла Александре за неумение блюсти тишину, –

недовольное выражение медленно сходило с лица директрисы.

– Да, госпожа Хладова, – ответила я. Какая уже разница – двумя больше, двумя меньше.

На столешнице перед каждой девушкой находилась чернильница, перо и стопка бумаги.

– Приступаем, – скомандовала директриса.

По комнате пронёсся шелест. Воспитанницы одновременно, будто долго репетировали, положили перед собой по листу, открыли чернильницы и взяли перья.

Постоянно скашивая взгляд, чтобы не ошибиться, я повторяла их действия.

– Проводим мысленно косую черту, как я вас учила, и начинаем писать перед ней букву «Ять». Одну строку.

Я понятия не имела, как пишется эта буква, но исполнилась решимости подсмотреть у соседки и сделать всё правильно. Маму Холод можно дразнить до бесконечности, и даже наказания можно использовать как способ злить её дальше, однако я здесь, чтобы учиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.